

А.С.ГРИН

ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ

Александр Грин

Вперёд и назад

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=271342

Аннотация

Три приятеля отправляются за золотом к Серым горам. Но лишь один не свернёт с пути...

© *FantLab.ru*

Содержание

1	4
2	7
3	9
4	13

Александр Степанович Грин Вперед и назад

1

В конце мая и начале июля город Зурбаган посещается «Бешеным скороходом». Ошибочно было бы представить этого посетителя человеком даже самой сумасшедшей внешности: длинноногим, рыкающим и скорым, как умозаключение страуса относительно спасительности песка.

«Бешеный скороход» – континентальный ветер степей. Он несет тучи степной пыли, бабочек, лепестки цветов; прохладные, краткие, как поцелуи, дожди, холод далеких водопадов, зной каменистых почв, дикие ароматы девственного леса и тоску о неведомом. Его власть делает жителей города тревожными и рассеянными; их сны беспокойны; их мысли странны; их желания туманны и обаятельны, как видения анахорета или мечты юности. Самое большое количество неожиданных отъездов, горьких разлук, внезапных паломничеств и решительных путешествий падает на беспокойные дни «Бешеного скорохода».

5-го июля в сорока милях от Зурбагана три человека шли

по узкой степной тропе, направляясь к западу.

Шедший впереди был крепкий, прямой, нервный человек, лет тридцати трех. Природа наградила его своеобразной цветистостью, отдаленно напоминающей редкую тропическую птицу: смуглый цвет кожи, яркие голубые глаза и черные, вьющиеся, с бронзовым отливом, волосы производили весьма оригинальное впечатление, сглаживая некрасивость резкого мускулистого лица, именно богатством его оттенков. Двигался он как бы толчками – коротко и отчетливо. На нем, как и на остальных двух путниках, был охотничий костюм; за спиной висело ружье; остальное походное снаряжение – сумка, свернутое одеяло и кожаный мешочек с пулями – размещались вокруг бедер с толковой, удобной практичностью предусмотрительного бродяги, пользующегося, когда нужно, даже рельефом своего тела.

Этого звали Нэф.

Второй путник, развалисто поспешавший за первым, был круглолиц, здоров и неинтересен в той степени, в какой бывают неинтересны люди, созданные для работы и маленьких мыслей о работе других. Молодой, видимо, добродушный, но тугой и медлительный к новизне, он являлся того рода золотой серединой каждого общества, которая, по существу, неоспорима ни в чем, подобно столу или крепко пришитой пуговице. Сама природа отдыхает на таких людях, как голодный поэт на окороке. Второго путника звали Пек, а был он огородником.

Третий мог бы нагнать тоску на самого веселого клоуна. Представьте одушевленный гроб; гроб на длинных, как бы перекрученных, испитых ногах, с впавшим животом, вздернутыми плечами, впалыми, кислыми глазами и руками-граблями. Его рыжие усы висели как ножки мертвого паука, он шел размашисто и неровно, вяло шагая через воздух, как через ряд сундуков. Этого звали Хин. В Зурбагане он чистил на улице сапоги.

Все трое шли в полусказочные, дикие места Ахуан-Скапа за золотом, скрытым в тайной жиле Эноха. Умирая, Энох передал план тайников Нэфу.¹ Хин, соблазняясь, истратил на снаряжение деньги из сберегательной кассы, а Пек шел как могучая рабочая сила, годная копать землю и вязать на переправах плоты.

---

¹ В единственной известной публикации вместо «Нэфу» напечатано «Эхору»

2

Когда стемнело, путники остановились у небольшой рощи, разожгли костер, поужинали и напились кофе.

Огромная ночь пустыни сияла цветными звездами, большими, как глаза на ужас и красоту. Запах сухой травы, дыма, сырости низин, тишина, еще более тихая от сонных звуков пустыни, дающей вздохи, шелест ветвей, треск костра, короткий вскрик птицы или обманчиво близкий лепет далекого водопада, – все было полно тайной грусти, величавой, как сама природа – мать ощущений печальных. Человек одинок; перед лицом пустыни это яснее.

Нэф развернул карту.

– Вот, братцы, – сказал он, отводя ногтем часть линии не более пяти миллиметров, – вот сколько мы сделали в первый день.

– А сколько осталось? – спросил, помолчав, Хин.

– Столько. – Нэф двинул рукой до противоположного края карты.

– Д-да, – сказал Пек.

Хин промолчал. Устремив глаза в тьму, бесцельно, но напряженно, как бы улетаая в нее к далекой цели, Нэф сказал:

– Помните, что путь наш не легкий. Я уже говорил это. Нас будет рвать на куски судьба, но мы перешагнем через ее труп. Там глухо: леса, тьма, враги и звери; не на кого там оглянуть-

ся. Золото залегло в камне. Если хотите, чтобы ваши руки засветились закатом, как глаза, а мир лежал в кошельке, — не кричите.

Пек и Нэф вскоре уснули, но Хин даже не задремал. Беспокойно, первый раз так опасно и реально, представил он долгий-предолгий путь, дожди, голод, ветры и лихорадки; пантер, прыгающих с дерева на загрибок, магические глаза змей, стрелу в животе и пулю в сердце... Чей-то скелет среди глубокого ущелья... Он вспомнил красоту отделанного под орех ящика, на котором останавливается щедрая нога прохожего, солнечный асфальт, свою газету, свою кофейню и верное серебро. Он внутренне отшатнулся от того края карты, на котором, смеясь, Нэф положил ладонь; отшатнулся и присмирел.

Хин осторожно встал, собрался и, не разбудив товарищей, зашагал к Зурбагану, унося на спине взгляд догорающего костра. Так, человек, страдающий боязнью пространства, поворачивается спиной к площади и идет через нее, пятясь... Мир опасен везде.

3

Проснувшись, Нэф показал Пеку следы, обращенные к ночлегу пятками.

– Нас двое теперь, – сказал он. – Это лучше и хуже. – Пек выругался, невольно все-таки размышляя о причинах, заставивших Хина вернуться. Он был смущен.

Затем прошел месяц, в течение которого два человека пересекали Аларгетскую равнину с достоинством и упорством лунатиков, странствующих по желобу крыши, смотря на луну. Нэф шел впереди. Он говорил мало; часто задумывался; в хорошую погоду – смеялся; в плохую – кусал губы. Он шел легко, как по тротуару. Пек был разговорчив и скучен, жаловался на лишения, много ел и часто вздыхал, но шел и шел из любви к будущему своему капиталу.

Однажды вечером к поселку, расположенному на берегу большой реки, пришли два грязных бородатых субъекта. Их ногти были черны, одежда в земле. Они вошли в небольшой дом, где молодцеватый, крупный старик и молодая девушка, красивая, как весенняя зелень, садились ужинать.

– Вы куда? – осведомился старик.

– К Серым горам, – сказал Нэф.

– Далеко.

– Пожалуй.

– Зачем?

– Слитки.

– Дураки, – заявил старик. – Туда многие ходят, да мало кто возвращается.

– Мало ли что, – возразил Нэф, – ведь я иду в первый раз. Старик хмыкнул, как на лепет ребенка.

– Нерра, покорми их и положи спать, – сказал он дочери. – Пусть они во сне целуются с золотом, а наяву – со смертью.

– Шутки не наполняют кармана, – возразил Нэф.

Девушка засмеялась. Пек сел к пирогу со свиной; Нэф выпил водки, потом занялся и едой.

Ужин прошел в молчании. Затем Нерра сказала:

– Сумасшедшие, ваша постель готова.

– Ты любишь умных? – спросил Нэф.

– Должно быть, если не люблю глупых вопросов.

– Какой принести тебе подарок?

– Свой скальп, если ты разыщешь его.

– Бери сейчас. – Нэф нагнулся, подставив лохматую голову.

Старик, вынув изо рта трубку, густо захохотал. Девушка рассердилась.

– Идите спать! – вскричала она.

Нэф скоро заснул; Пек, ворочаясь, вспоминал круглые руки Нерры. Утром, когда Нэф занялся чисткой ружья. Пек вышел во двор и сел на бревно, осматриваясь.

Вдали, за цветущей изгородью, виднелись холмы хлебных полей. В сарае толкались свиньи, розовые с черными пят-

нами. На другом дворе бродили коровы великанского вида. Под ногами Пека сустились крупные цветные куры, болтливые индейки; вечно падающие гуси шипели, как тещи; синие с золотом и хохолками на голове утки охорашивались на солнышке.

Старик вышел из хлева. Увидев Пека, он подошел к нему и сказал:

– Любезный, в горах дико и дрянно, а у меня много работы. Два месяца назад утонул мой сын. Если хочешь, живи работником. Мы всегда спокойны и сыты.

В это время через двор прошла Нерра, улыбаясь себе, в солнце и ярком платье, богатая молодостью. Она скрылась. Вся картина знакомой фермерской жизни была для души Пека, как оттепель среди суровой зимы, – тоска мучительного и опасного странствования.

– Хорошо, – сказал Пек.

Старик подбросил лопату. Пек пошел в дом, где столкнулся с Нэфом, одетым и готовым к походу.

– Скорее, идем, – сказал Нэф.

– Нэф... я...

– Где же твое ружье?

– Послушай...

– Время дорого. Пек.

– Я здесь останусь работником.

Нэф отвернулся. Постояв с минуту, он прошел мимо Пека, как мимо пустого места. У ворот он обернулся, увидев

Нерру, смотревшую на него из-под руки.

– Ну, я пошел, – сказал он.

– Прощай. Береги скальп.

Нэф досадливо отмахнулся. Девушка презрительно фыркнула и повернулась спиной к дороге, уходящей к горам.

4

Жизнь знает не время, а дела и события. Поэтому без точного исчисления месяцев, разделивших две эти главы, мы останавливаемся у окна, только что вымытого Неррой до блеска чистой души. Около нее стоял Пек.

– Что же мне теперь делать?

– Купать лошадей.

– Нерра!

– Отстань, Пек. Твоей женой я не буду.

Он смотрел на ее гибкую спину, тяжелые волосы, замкнувшиеся глаза и маленькие, сильные руки. Так, как смотрит рыбак без удочки на игру форели в быстром ключе. Он вдруг озлобился, вышел и повел лошадей, а когда возвращался с ними, то заметил спускающегося по склону холма неизвестного человека в лохмотьях, так густо обросшего волосами, что сверкали только глаза и зубы. Человек шел сильно хромя.

– Пек! – сказал бродяга, взяв под уздцы лошадь.

– Нэф!!

– Я. Я и мое золото...

– Так ты не умер?

– Нет, но умирал.

Они вошли в дом. Пек привел старика, Нерру; все трое обступили Нэфа, рассматривая его с чувством любопытной

тревоги.

Его вид был ужасен. В дырах рубища сквозило черное тело; шрамы на лице и руках, склеенные запекшейся кровью, казались страшной татуировкой; босые ноги раздулись, один глаз был завязан. Он снял мешок, ружье, тяжелый кожаный пояс и бросил все в угол, потом сел.

– Скальп цел, – кратко сообщил он.

Девушка улыбнулась, но ничего не ответила.

Ему дали еды и водки. Он сел, выпил; на мгновение заснул, сидя, и мгновенно проснулся.

– Рассказывай, – сказал старик.

– Для начала... – заметил Нэф, отворачивая левый рукав.

От плеча до кисти тянулись обрывки сросшихся мускулов – подарок медвежьей лапы. Затем, поправив рукав, Нэф спокойно, неторопливо рассказал о таких трудах, лишениях, муках, ужасе и тоске, что Пек, посмотрев в угол, где лежал мешок с кожаным поясом, почувствовал, как все это на взгляд стало приземистее и легче.

На другой день выспавшийся Нэф побрился, вымылся и оделся. Он перестал быть страшным, но вид его все же говорил красноречиво о многом.

Оставшись с ним наедине, Пек сказал:

– Ты меня предательски бросил здесь, Нэф. Я колебался... Ты не утащил меня, как следовало бы поступить верному другу. И вот – ты миллионер, а я – по-прежнему нищий.

Нэф усмехнулся и развязал пояс. Взяв чайный стакан, он

насыпал его до краев мутным, желтым песком.

– Возьми! – сказал он покрасневшему от жадности Пеку.

К вечеру Пек исчез. На кровати Нэф нашел его записку и показал Нерре.

«Жадный, вероломный приятель! Прибыв страшным богачом, ты дал мне, всегдашнему твоему спутнику, жалкую часть. Будь проклят. Я уезжаю от тебя и развратной девки Нерры к своему дяде, где постараюсь лет через пять разбогатеть больше, чем ты, хитрый бродяга».

– Закурим этой бумажкой, – весело сказал Нэф. – Не бледней, Нерра; знай, дурак кусает лишь воздух. Послушай... Я сберег скаल्प для тебя.

Она помолчала, затем положила на его плечо руку, а потом мягко перевела руку на вьющиеся волосы Нэфа.

– Через неделю будет пароход сверху, – сказала Нерра, – если хочешь, я поеду с тобой.

– Хочу, – просто ответил Нэф.

Так началась их жизнь. Одним мужем и одной женой стало больше на свете, богачом разными парами, но весьма бедном любовью и уважением.

У подъезда каменного зурбаганского театра сидел наш знакомый Хин, рассматривая по профессиональной привычке ноги прохожих; выше он почти никогда не поднимал глаз, считая это убыточным.

Прошло несколько времени. На ящик Хина ступила небольшая мужская нога в лакированном сапоге; после нее

– другая. Хин заботливо их почистил и протянул руку.

То, что оказалось в руке, сначала удивило его своим цветом, цветом не ассигнаций. Цвет был коричневый с розовым. Развернув бумажку. Хин, встав, с трепетом и почтением прочел, что это чек на предъявителя, на сумму в пятьдесят тысяч. Подпись была «Нэф».

Он судорожно огляделся, и показалось ему, что в зурбаганской пестрой толпе легли тени пустыни и грозное дыхание диких мест промчалось над разогретым асфальтом, тронув глаза Хина свежестью неумолкающих водопадов.

1918